

УДК 94(47)

РУССКИЕ ПОСЛЫ В ЛАПЛАНДИИ В 1586 г.

© 2022 М.В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН

Статья поступила в редакцию 28.08.2022

В статье рассматривается сюжет, связанный с историей дипломатических отношений Московского государства с Данией-Норвегией. Отправка русских послов на Крайний Север в 1586 году была связана с резким обострением так называемого Лапландского вопроса – крупного территориального спора, существовавшего между Россией и Датско-Норвежским государством в районе Европейской Арктики. В статье рассматриваются предпосылки, сложившиеся для отправки послов, обстоятельства, связанные с посольством, а также факты, отражающие конфигурацию русско-норвежского пограничья. *Ключевые слова:* Лапландия, Норвегия, Крайний Север, граница, рубеж, пограничье, переговоры, послы, грамота.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-61-73

Предисловие

Соседство Русского государства с Данией – Норвегией в Лапландии¹ ознаменовано долгой и насыщенной историей, в ходе которой пересекались и соединялись судьбы различных по происхождению и культуре стран и народов. Начав формироваться в рамках новгородско-норвежских взаимоотношений, русско-норвежское пограничье в дальнейшем перешло в сферу интересов Московского государства после присоединения Великого Новгорода к Москве в конце XV века. Статус Норвежского королевства также менялся со временем. К концу XIV века Норвегия вошла в унию с Данией и Швецией, а после того, как Швеция в 1523 году вышла из унии, Норвегия продолжала оставаться частью Датско-Норвежского объединенного королевства, находившегося под властью датских королей. Таким образом, северное соседство, складывавшееся ранее между норвежцами и новгородцами, оказалось в сфере интересов Москвы и Ко-

пенгагена, часть Лапландии находилась под контролем Швеции.

Русско-норвежское пограничье в Лапландии являлось предметом изучения для разных поколений историков. И все же вопросы, связанные с историей этого пограничья, и сегодня содержат немало противоречий, вызывающих споры среди исследователей. Относительно рассматриваемого в настоящей статье периода для нас по сей день остается не до конца понятным, какова была форма лапландского пограничья, где проходили границы, каким образом пограничные администрации осуществляли взаимодействие между собой. В историографии высказываются различные точки зрения относительно русско-норвежского пограничья в Лапландии в рассматриваемый период. В соответствии с первой точкой зрения в Лапландии существовала единая государственная граница, разделявшая все интересы между русскими людьми, с одной стороны, и норвежцами/датчанами – с другой. К числу исследователей, придерживавшихся этой точки зрения, относится советский и российский исследователь Игорь Павлович Шаскольский, утверждавший, что

Толкачев Михаил Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии. E-mail: mikh.tolkachev@mail.ru

государственная граница была оговорена уже в XIV веке в ходе переговоров между Норвегией и Новгородом, проходивших в 1326 году. До 1326 года, по мнению историка, в Лапландии существовал общий округ по сбору дани с местного населения, но со временем такая форма пограничья устарела. В 1326 году, как отмечает И.П. Шаскольский, была установлена русско-норвежская государственная граница в районе Варангер-фьорда (Варяжский залив, Варенгский залив, см. карту в приложениях), которая в дальнейшем разделяла государственные интересы сторон². Вместе с тем с учетом факта двойного обложения данью местных лопарей-саамов в одной из более поздних публикаций отмечается, что в Лапландии уплата дани не совпадала с подданством³. Вторая точка зрения утверждает, что в рассматриваемое нами время, а также в более раннюю эпоху в Лапландии не было единой государственной русско-норвежской границы. Вместо нее существовал общий налогооблагаемый округ со своими рубежами. К числу ученых, отстаивающих эту точку зрения, относится современный датский исследователь Джон Х. Линд, который категорически отвергает точку зрения И.П. Шаскольского. Дж. Х. Линд считает, что в 1326 году новгородцы и норвежцы договорились не о единой государственной границе, а о рубежах общего налогооблагаемого района, и такая форма пограничья, по мнению исследователя, продолжала существовать на протяжении последующих веков⁴. Современный российский историк Павел Викторович Федоров также отмечает, что точка зрения о появлении единой государственной границы в Лапландии в столь ранний период не может быть принята без критики⁵. Наконец, третья точка зрения гласит, что в Лапландии одновременно существовал общий налогооблагаемый округ и единая государственная граница. О возможности подобной конфигурации пограничья упоминал отечественный исследователь Иван Федорович Ушаков. В своих исследованиях И.Ф. Ушаков отмечал, что в 1326

году, вероятно, произошло разграничение преимущественных интересов Норвегии и Новгорода, в то же время общий округ по сбору дани продолжал существовать на территории Лапландии⁶. К похожему выводу приходит современный датский исследователь Карстен Папе. Примечательно, что К. Папе высказывает мнение о двойной системе границ, основываясь не столько на новгородско-норвежском договоре 1326 года, как это ранее делали исследователи, а рассмотрев более поздний международный договор, заключенный между Московским государством и Данией в 1493 году. По мнению К. Папе, в русско-норвежском пограничье в Лапландии сложилась двойная система границ, состоявшая из государственной «политической» границы и из рубежей общего налогооблагаемого дистрикта, определявших пределы сбора дани обеими сторонами. При этом К. Папе допускает, что подобная двойная система границ перешла в сферу русско-датских отношений «по наследству» от новгородско-норвежских взаимоотношений⁷. Современный норвежский исследователь Ларс Ивар Хансен, проведя исследование податной системы, сформировавшейся внутри общего округа, подтверждает точку зрения К. Папе⁸.

При изучении интересующего нас вопроса (отправка русских послов в Лапландию в 1586 году) мы в первую очередь обращались к двум комплексам источников. Первый комплекс документов содержится в рамках архивного дела №2 от 1578 года (Российский государственный архив древних актов, фонд 53, опись 1, дело 2, 1578 год). Здесь отложились документы, относящиеся к русско-датским дипломатическим отношениям в рамках взаимодействия по Лапландии. Особое внимание привлекает переписка между русскими царями и датскими королями, а также краткие выписки относительно инструкций (наказов), составленных для русских послов при отправке в Лапландию. Несмотря на то, что данные выписки очень малы по объему, тем не менее они имеют огромное значе-

ние, учитывая тот факт, что на данный момент мы не располагаем текстами самих инструкций, составлявшихся для русских послов при отправке на Север в 1586 году. Второй комплекс источников содержится в небезызвестных сборниках, опубликованных дореволюционным исследователем Ю.Н. Щербачевым⁹. В сборниках содержатся документы, извлеченные из Копенгагенского государственного архива, в числе которых – царские и королевские грамоты, международные договоры и текущая документация, относящаяся к положению дел непосредственно на границе.

Предшествующая дипломатическая переписка

В 80-е годы XVI века между Москвой и Копенгагеном велась активная дипломатическая переписка о Лапландии. В 1586 году в королевской грамоте (с гонцом Юстом) датская сторона в очередной раз высказала свои претензии относительно спорных лапландских территорий и предложила организовать пограничный съезд русских и датских уполномоченных судей¹⁰. Король Фредерик II писал в своей грамоте о желании состоять в дружественных отношениях с царем и говорил о необходимости обновить спорные рубежи¹¹. Относительно принадлежности лапландских земель Фредерик II, однако, утверждал, что в соответствии с древними норвежскими летописями Лапландия (в рассматриваемой грамоте король демонстративно именовал ее Мурманской землей, что, по некоторым версиям, является производным от «урманский», «норманский») никогда не принадлежала Новгороду. Король писал, что Мурманская земля всегда принадлежала Норвегии. Также Фредерик II писал, что постройка Печенгского православного монастыря началась всего сорок или пятьдесят лет назад, то есть не так давно, чтобы предъявлять претензии на территорию, где расположен монастырь. Кроме того, король упрекал Федора Иоанновича в том, что он в своих царских грамотах

забыл упомянуть многие лапландские поселения¹². Этим датский король ограничиваться не стал. Помимо прочего Фредерик II попытался предъявить претензии на право сбора дани с Печорской земли¹³, к востоку от Белого моря. Подытоживая, мы можем выделить следующие аргументы, к которым прибегало датское правительство:

- Аргумент 1: Лапландия именуется Мурманской (т.е. Норманской) землей;
- Аргумент 2: принадлежность Лапландии к Новгороду не согласуется с норвежскими летописями;
- Аргумент 3: постройка Печенгского монастыря началась не так давно;
- Аргумент 4: царь в переписке не называет многих поселений в Лапландии;
- Аргумент 5: норвежцы издавна собирали дань не только в Лапландии, но и на Печоре.

В ответ на королевскую грамоту в марте 1586 года была составлена царская грамота¹⁴. В ней от лица Федора Иоанновича прежде всего высказывалось пожелание на сохранение дружественных отношений: «И мы, услышав твое любовное приятельство и соседство, по тому же хотим с тобою, приятелем нашим, быти в любви и в соединенье и в dokonчанье ...»¹⁵. Вместе с тем относительно Лапландии царь прибегнул к следующим аргументам:

Аргумент 1: Лапландия является исконной русской землей: «... та Лопская земля искони вечная наша (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») вотчина за много лет к нашей (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчине к Великому Новгороду з Двинскую землю»¹⁶.

Аргумент 2: Лапландия вместе с Новгородской землей находится в подчинении у московских государей со времен Ивана III, и с тех пор население Лапландии выплачивает дань в пользу московских государей¹⁷.

Аргумент 3: Лапландия никогда не принадлежала Норвегии, и прежние датские короли не предъявляли на нее претензии¹⁸.

Аргумент 4: при заключении русско-датского договора в 1562 году датская сто-

рона не предъявляла какие-либо претензии относительно Лапландии¹⁹.

Аргумент 5: Печенгский монастырь стоит в Лапландии около ста лет, но даже если Печенгский монастырь стоит 40 лет (как утверждает датская сторона), то это уже достаточный срок, чтобы вступить за него²⁰.

Аргумент 6: город Варгав (Вардехус) стоит на государевой земле, этот Варгав является Новым, его основали датчане для того, чтобы вступить в земли, принадлежащие Русскому государству; а в землях датского короля есть другой город – Старый Варгав, который находится на рубеже Норвежской земли: «А толко сыскати старых рубежей, ино и Варгав город поставлен в нашей же (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчине на Лопской земле. А Старой Варгав есть в вашей (в деле РГАДА 1578 г. – «в ево» – т.е. датского короля. – прим. М.Т.) в Дацкой земле на рубеже Норвежские земли. А тот Новой Варгав поставили люди твои (в деле РГАДА 1578 г. – «ево» – т.е. датского короля. – прим. М.Т.), вступаючися напрасно в нашу (в деле РГАДА 1578 г. – «государя») отчину в Лопскую землю»²¹. Таким образом, в соответствии с точкой зрения русской стороны, Старый Варгав должен был располагаться значительно западнее Варгава Нового – на рубеже, отделяющем Лапландию от Норвегии, на что указывает фраза «на рубеже Норвежские земли». Этим аргументом русская сторона попыталась предъявить претензии на западную часть Лапландии – Финнмарк, находившийся под преимущественным контролем датской администрации. По-видимому, это был зеркальный дипломатический ответ на попытки датской стороны предъявлять претензии на Мурманскую и Печорскую землю. Претензии датской стороны на Печорскую землю были не случайны. В Западной Европе ценилась пушнина, а лучшие охотничьи угодья простирались восточнее Белого моря, и европейцам было выгоднее двигаться в ту сторону²².

Аргумент 7: царь не упоминает в переписке села Кандалакша, Ковда, Кереть, Варзуга, Умба (см. карты в приложениях),

потому что эти села, по словам царя, не относятся к Лапландии, они подчинены Новгороду с Двинской землей²³.

Аргумент 8: такого никогда не было, чтобы норвежские короли собирали дань с Мурманской или с Печорской земли, потому что эти земли были отдаленными и не могли принадлежать норвежцам²⁴.

Далее Федор Иоаннович в упомянутой грамоте заявил о согласии направить своих послов в Лапландию к 1 июля 1586 года для встречи с датскими уполномоченными. В соответствии с предложением Федора Иоанновича каждая группа уполномоченных судей, направлявшихся в Лапландию, должна была иметь до двухсот человек сопровождения. При этом Федор Иоаннович предлагал, чтобы русские и датские послы, собрав необходимые материалы, заключили лишь предварительное соглашение о разграничении, после чего датские дипломаты должны были отбыть в Данию, а русские послы – в Двинскую землю. В соответствии с предложением царя, после того как датские послы известят Фредерика II, а русские послы проинформируют государя о результатах лапландских изысканий и переговоров, королю нужно будет направить в Россию своих великих послов для заключения обновленного договора (докончания), содержащего наравне с прочим статьи о разграничении в Лапландии²⁵. При этом Федор Иоаннович уверил короля, что русским людям в Лапландии будет приказано жить в мире с подданными датского короля на период ведения переговоров²⁶. Также Федор Иоаннович в своей грамоте в ответ на просьбу Фредерика II о возобновлении международного торгового дела в Коле сообщил, что вся торговля из Колы переносится в новый Двинский город (Архангельск), куда датские и норвежские купцы могут свободно приезжать и торговать всякими товарами²⁷. Данная мера была предпринята русской стороной, чтобы переместить торговый пункт восточнее – в более безопасное место.

Вместе с царской грамотой в марте 1586 года была составлена специальная «опас-

ная» грамота для датских дипломатов, по которой они могли свободно прибыть в Кола на место переговоров и беспрепятственно отбыть домой в любое время. Примечательно, что в этой «опасной» грамоте также упомянуты важные географические ориентиры. В грамоте сказано, что датским и русским послам дозволяется свободно съехаться между принадлежащей государю Колой и принадлежащим королю Варгавом: «... на съезд с нашими послы межь нашия отчины Колы в Лопской земле и межь твоего города Варгава ...»²⁸. В «опасной» грамоте не указано, какой Варгав имеется в виду – Старый или Новый. Предполагаем, что имелся в виду именно Новый Варгав (по русской терминологии), располагавшийся у Варангер-фьорда, поскольку вместе с ним в паре упоминается Кола. Также вместе с царской грамотой в марте 1586 года была составлена еще одна «опасная» грамота – для свободного проезда великих датских послов в Москву²⁹ на переговоры о заключении окончательного русско-датского договора (докончания).

Подготовка к пограничному съезду

В 1586 году в Кола на пограничный съезд с датскими уполномоченными были направлены князь Иван Михайлович Борятинский в чине дворянина и наместника козельского, Григорий Борисович Васильчиков в чине дворянина и наместника болховского и подьячий Иван Максимов. В качестве сопровождения с русскими послами были отправлены «для береженья» пять дворян из Ярославля, пятьдесят московских стрельцов с сотником, двадцать донских казаков с атаманом³⁰. И.М. Борятинский принадлежал к знатному княжескому роду, имел военный опыт, полученный в том числе во время Ливонской войны. В разные годы И.М. Борятинский был головой в полку, вторым воеводой полка левой руки, вторым воеводой в сторожевом полку³¹. Другой посол, Г.Б. Васильчиков, также принадлежал к знатному роду и занимал видное положение в госу-

дарстве. В марте 1573 года он был отмечен службой по Государеву Двору с окладом в 50 рублей. В 1575 году родственница Г. Васильчикова, Анна Васильчикова, стала женой Ивана Грозного. В 1583 году Васильчиков служил в Балахне осадным головой. В последующие годы Григорий Васильчиков будет активно участвовать в дипломатической жизни страны³². Необходимо отметить, что в свое время Г.Б. Васильчиков являлся кольским воеводой, поэтому он был отлично знаком с ситуацией, сложившейся в лапландских землях. Таким образом, на переговоры с датскими уполномоченными были направлены весьма знатные люди, обладавшие богатым опытом военной и государственной службы, что, в свою очередь, говорит о серьезном отношении русского правительства к обсуждению спорных лапландских вопросов.

Русским послам поручалось обсудить с датскими уполномоченными два основных варианта установления границ в Лапландии. **Первый вариант** предполагал сохранение общего лапландского округа и одновременно установление государственной границы. В соответствии с этим вариантом русским уполномоченным судьям было поручено проложить государственную границу в Лапландии, которая разделяла бы владения датского короля и царя, по реке Полной между Колой и Варгавом. При этом западный налогооблагаемый рубеж, отделявший Лапландию от Норвегии, должен был проходить по реке Ивгей (см. карту в приложениях). Вот небольшая выдержка из инструкции, составленной для русских послов: «велено им по договору з дацкими послы положити в Лопской земле рубеж меж Малмиюса, то есть Колы волости, и меж Варгава река Полная, а с норвецкою землею рубеж лопской земли стариной Ивгей»³³. Для более четкого понимания этого небольшого отрывка нам необходимо соотнести его содержание с другим не менее важным для нас источником – жалобой данщика Ефима, составленной несколькими десятилетиями ранее – в 1559 году³⁴. При рас-

смотрении этой жалобы в интересующей нас плоскости можно сформулировать два основных пункта, дающих представление о форме и конфигурации русско-норвежского пограничья в Лапландии.

Пункт 1. Единая граница между владениями русского государя и датского короля. В рамках этого пункта можно отметить несколько моментов: _____

- В самом начале своей жалобы даньщик Ефим упомянул о некотором рубеже датского короля: «... твое цареве дела твое государеве данщицишко лопское Мурманского моря, датцкого короля рубежа, Ефимко Онисимово сынишко»³⁵. Исходя из общего содержания грамоты можно отметить, что даньщик Ефим находился в районе Варенгского залива поблизости от «датцкого короля рубежа». В своей жалобе даньщик обратился к царю с просьбой потребовать от датчан дозволения о свободном пропуске русских людей для промысла на территорию западнее Варенгского залива³⁶. Таким образом, даньщик Ефим свидетельствует о наличии границы в районе Варенгского залива, за которой начинаются территории, контролируемые датской администрацией.

- Далее в жалобе даньщик Ефим упомянул о том, что в Варенгском заливе есть река под названием Полная. Сборщик дани отметил, что половина этой реки была занята датчанами: «Есть, государь, в твоей государеве отчине на Мурманском море, в Варенской губе, река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские волости ... А нынеча, государь, датцкого короля немцы тое реки половину за себя отняли»³⁷. Этот фрагмент документа свидетельствует о том, что граница проходила по той самой Полной реке, в районе Варенгского залива. Для лучшего понимания было бы желательно идентифицировать реку Полную с каким-либо современным географическим объектом, но здесь мы сталкиваемся с проблемой. Датский историк Дж. Х. Линд считает, что соотнести Полную реку с какой-либо реальной рекой

невозможно, поскольку название «Полная река» использовалось в русских документах в качестве неких общих обозначений для разных водных географических объектов, располагавшихся в районах, прилегающих к Северному Ледовитому океану, а также на территории Финляндии. В связи с этим Дж. Х. Линд предполагает, что название «Полная река» могло применяться по отношению к целой водной системе, которая в нашем понимании термина рекой не является³⁸. На данный момент мы можем для себя отметить лишь то, что рассматриваемая нами граница располагалась в окрестностях Варангер-фьорда (точнее – в районе его западной оконечности).

- В жалобе сборщика дани сказано о городке Варгав, через который датчане не пропускали государевых людей: «Да у тех жо, государь, датцких немец приездной городок Варггав на волоке стоит на море на острове, и мимо, государь, тот свой городок не пропускают те немцы твоих государевых всяких людей в судах в малых и в лодьях на Теную реку промышляти»³⁹. Варгав (Вардехус, совр. Вардё) – небольшой городок на острове у северной стороны Варангер-фьорда (Варенгский залив). Вардё является одним из старейших норвежских поселений, основанных на рубеже с русскими владениями в Лапландии. С самого своего основания одним из основных предназначений этого города являлось сдерживание русского продвижения на Крайнем Севере⁴⁰. Во времена Датско-Норвежского государства эта функция Варгава продолжала играть важную роль в жизни города, здесь находилась датская администрация, осуществлявшая пограничный контроль и управление прилегающими территориями.

Исходя из вышесказанного мы можем предполагать, что рубеж, который предлагалось утвердить по реке Полной в районе западной оконечности Варангер-фьорда, являлся той самой «политической» государственной границей, разделявшей преимущественные интересы двух соседних государств.

Пункт 2. Общий налогооблагаемый округ. В рамках этого пункта можно отметить два момента:

- В рассматриваемой жалобе сборщик дани Ефим упоминает еще один рубеж с владениями датского короля, проходивший по реке Ивгей: «... твои, государь, данщики ходят дани брати за Теную реку и до Ивгея, до твоей, государь, русские межи тысячу верст, которая межа з датским королем»⁴¹. В отличие от Полной реки, мы можем точно идентифицировать реку Ивгей (см. реку Ивгей на карте в приложениях). Эта река на современных картах обозначена как Ivgojohka (на карте Google) или Skibotnelva (на карте Яндекс). Ивгей-река впадает в Люнген-фьорд, расположенный на севере Норвегии в окрестностях города Тромсё (см. карту в приложениях). Теную реку следует соотнести с рекой Тана (Танаэльв), протекающей немного западнее Варангер-фьорда (Варенгский залив). Примечательно, что русский сборщик дани назвал Теную реку, протекающую за Варенгским заливом, государевой отчиной⁴². Но как государева отчина могла располагаться западнее Варенгского залива, на территории, находившейся под преимущественным контролем датского короля? Датчане использовали свое название для обозначения этих территорий – Финнмарк. По мнению данщика Ефима, царь обладал в Финнмарке определенными правами. Но какими? Ответ на этот вопрос кроется в функции, которую выполнял рубеж, располагавшийся по реке Ивгей. Данщик Ефим четко указал на назначение данного рубежа, упомянув, что до реки Ивгей ходили русские сборщики дани. Таким образом, мы можем зафиксировать примерные очертания конфигурации русско-норвежского пограничья в Лапландии: в районе Варенгского залива находилась русско-норвежская «политическая» граница, разделявшая основные полномочия соседних государств, а к западу от Варенгского залива, то есть на территории, находившейся под преимущественным контролем Датско-Норвежского государства, в

районе реки Ивгей и Люнген-фьорда находился западный рубеж, до которого доходили русские сборщики дани. Таким образом, мы можем говорить о существовании в Лапландии общего русско-датского налогооблагаемого округа в тех или иных пределах.

- Рассматриваемая жалоба русского сборщика дани не содержит какой-либо информации о восточных рубежах общего округа, до которых могли доходить датские данщики. Мы можем почерпнуть из жалобы лишь то, что «лопляне Варенские волости» точно попадали под действие общего округа⁴³. Упомянутая нами выше инструкция (наказ) 1586 года для русских послов, направлявшихся в Колу, также не содержит каких-либо упоминаний относительно установления восточного рубежа общего налогооблагаемого округа. При этом разбег между датскими интересами и интересами русской стороны по поводу пределов общего округа был значительный. Так, в 1585 году царь Федор Иоаннович, не желая признавать за датчанами право сбора дани с Кольского Севера, указывал в своих грамотах на то, что датчане собирают дань с лопарей Кольского полуострова вопреки прежним обычаям⁴⁴. Мы с уверенностью можем сказать, что по крайней мере в последние десятилетия XVI века датские сборщики дани точно собирали дань с лопарей Кольского полуострова⁴⁵ и русская часть Лапландии, таким образом, была вовлечена в общий русско-датский округ, из чего следует, что восточный рубеж русско-датского дистрикта в тот период времени фактически находился на территории Кольского полуострова. Вместе с тем на данный момент достаточно сложно судить о том, насколько Кольский полуостров был вовлечен в действие общего налогооблагаемого округа в остальные периоды XVI века.

В случае отказа датских уполномоченных обсуждать установление общего русско-датского дистрикта, западный рубеж которого проходил бы по реке Ивгей, русские послы должны были предложить **второй основной вариант** разграничения.

Этот вариант предполагал создание некоей общей территории, но в значительно меньших размерах. Западной границей этой территории должна была стать река Тенуй, а восточным рубежом – река Полная. Вот что сказано в инструкции относительно составления предполагаемой договорной записи по второму варианту разграничения: «А будет дацкие послы по Ивгеи рубежей чинити да говорити о том не похотят ... и послом (русским. – прим. М.Т.), расписав именитые урочища меж Тенуя и Ивгоя, статьи на две и на три поступатися в королеву сторону по статье, а последне по Тенуй реку, а болши того не поступати, а в договорную запись написать (русским. – прим. М.Т.) послом в свой рубеж Тенуй реку, а дацким послом дати на волю в свою им запись писати рубеж Полную реку»⁴⁶. Расстояние между рекой Полной и рекой Тенуй недостаточно большое, чтобы считать его общим налогооблагаемым дистриктом – обе реки протекают в одной окрестности. Вполне возможно, что пространство между рекой Полной и рекой Тенуй должно было выполнять функцию государственной границы, и, следовательно, этот вариант разграничения предполагал установление одной границы, не сосуществующей с рубежами общего налогооблагаемого округа в Финнмарке. Таким образом, русская сторона в качестве крайней меры готова была уступить право сбора дани на территории до Ивгей-реки, чтобы урегулировать спорный вопрос с Копенгагеном. В случае дальнейшего несогласия датской стороны и возникновения новых споров русские послы должны были отложить переговоры и разъехаться с датскими уполномоченными судьями, уведомив об этом государя⁴⁷.

С датской стороны на пограничный съезд в Лапландию были назначены Христиан Фрис, Лоренц Крус, капитан Норман, Симон фон-Салинген. Надо сказать, что датская сторона тоже тщательно готовилась к пограничному съезду и случайных людей для этого дела не назначала. К примеру, капитан Томас Норман был отлично

знаком с регионом и не раз выполнял важные государственные поручения, а Симон фон-Салинген являлся опытным путешественником и настоящим знатоком Крайнего Севера. К слову, именно он составлял перечень и формулировал аргументы, которыми пользовалась датская сторона, а также подготавливал отчеты о Лапландии. В мае 1586 года от имени короля для датских уполномоченных послов была составлена инструкция для ведения переговоров. В соответствии с королевской инструкцией датские дипломаты должны были подтвердить права короля на всю территорию Лапландии, включая Кольский полуостров, а также потребовать выплаты дани в пользу датской короны со всех жителей Лапландии. В случае, если бы русские послы начали предлагать свой вариант разграничения, датские судьи не должны были соглашаться с ним, им следовало выразить решительный протест⁴⁸. Думаем, что такой вариант инструкций вряд ли позволил бы прийти сторонам к согласию. Тогда же, в королевской грамоте от 27 мая 1586 года, Фредерик II уведомил царя об отправке в Лапландию своих уполномоченных судей для участия в пограничном съезде, однако король сообщил, что не намерен на данном этапе направлять своих послов в Москву, по крайней мере до тех пор, пока в вопросе о разграничении Лапландии не будет внесена ясность⁴⁹.

Неудачная попытка встретиться на пограничном съезде

Сразу нужно сказать, что съезд пошел не по запланированному сценарию. Первыми на место прибыли датские уполномоченные судьи, однако русских послов в Коле не оказалось, к намеченному сроку они не явились. В итоге датские дипломаты не дождались русских послов и выдвинулись в обратный путь⁵⁰. Перед отбытием датские уполномоченные составили протест (от 24 июля 1586 года), адресованный кольскому воеводе Адриану Григорьевичу

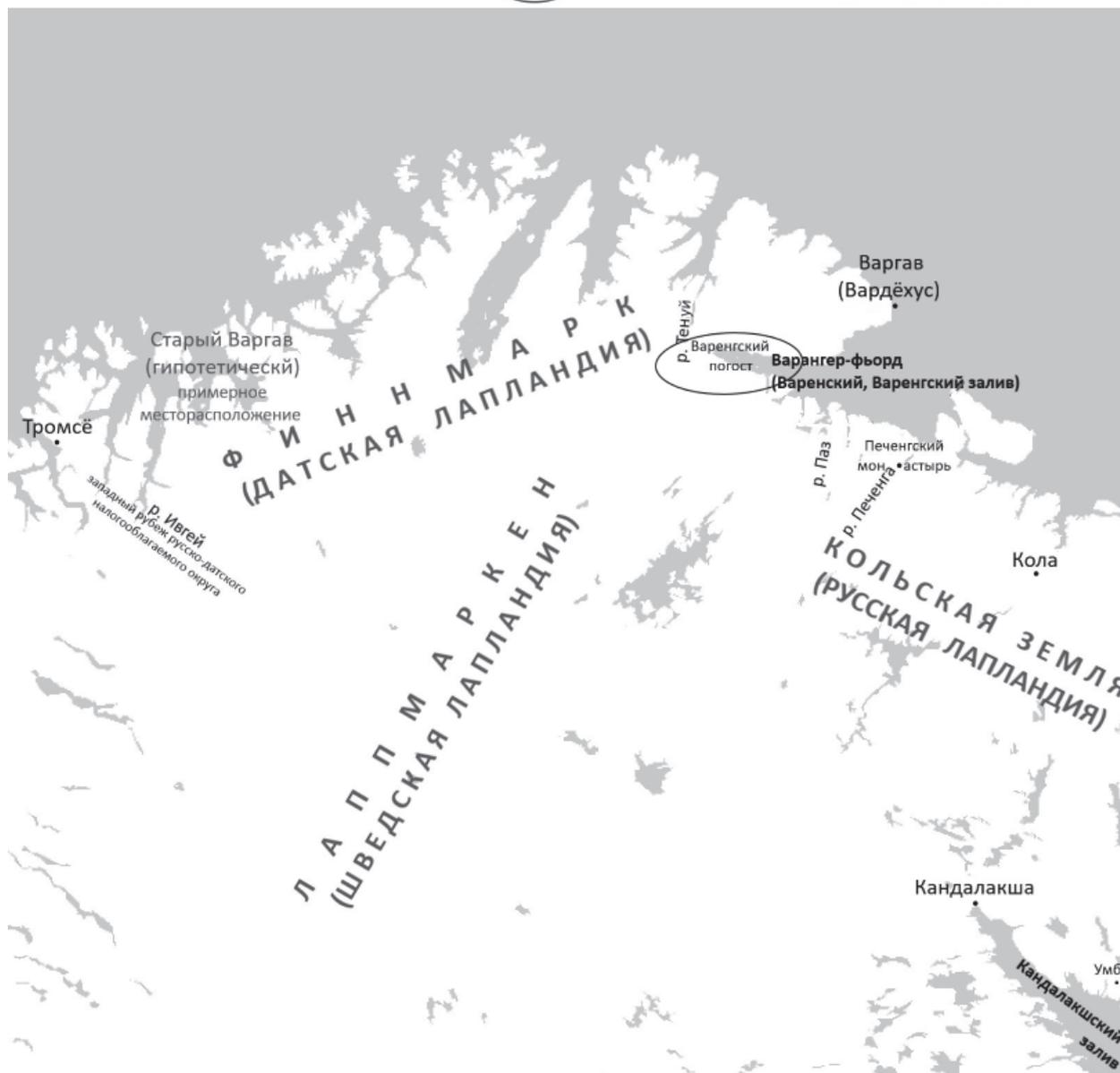
Ярцеву, по поводу неявки русских послов к сроку, протест был засвидетельствован двумя англичанами, находившимися тогда в Коле⁵¹. Русские уполномоченные судьи, прибыв в Колу с опозданием, не застали убывших датских послов и были вынуждены возвращаться, не проведя переговоров. Русское посольство вернулось в Москву 6 ноября 1586 года⁵². Позднее царь Федор Иоаннович в переписке с датским королем объяснял опоздание своих послов тем, что они задержались в пути из-за болезни князя И.М. Борятинского и из-за сильных встречных ветров: «и мы посылали на съезд в Колу волость послов наших, дворянина и наместника козелского князя Ивана Михайловича Борятинского с товарищи ... А наши послы были уж от Колы близко, а замешкали за тем, что один посол, князь Иван, розболелся, а се на море было нестроеное великое, ветры противные»⁵³. Федор Иоаннович писал, что уполномоченные люди в Коле говорили датским судьям о скором прибытии русских послов, однако датские дипломаты покинули Колу. Более того, как отмечал Федор Иоаннович в своей грамоте, когда русские послы прибыли в Колу, они отправили сообщение в Варгав о своем прибытии, но датские уполномоченные не стали возвращаться⁵⁴.

Таким образом, пограничный съезд, намечавшийся на 1586 год, не состоялся. Однако было бы ошибкой считать, что подготовка к переговорам прошла безрезультатно. В процессе подготовки русская сторона значительно укрепила свою аргументацию и структурировала представления о конфигурации русско-норвежского пограничья. Кроме того, русские послы привезли из Лапландии важные сведения, которые в дальнейшем активно использовались во время последующих переговоров. Так, старые даньщики рассказали послам, что они хорошо знают лапландскую землю вдоль морского берега за городом Варгавом более чем на тысячу верст до волости Ивгей, где собирали дань на государя. Эти же даньщики собирали государеву

дань и вверх по реке Тенуй. Они утверждали, что «есть ведомо, что рубеж государеве земли з дацкого короля землею река Полная»⁵⁵. Также местные даньщики сообщили, что они слышали от старожил легенду, будто Лапландия подчинилась Русскому государству с тех пор, как ее завоевал карельский военачальник Варент (он же – Валит, он же – Василий в крещении). Варент основал город и назвал его своим именем – Валитово городище. Этот город располагался в сорока верстах за Печенгским монастырем, а Варенгская губа (Варенгский залив) названа в честь него же⁵⁶. Поначалу, как сообщили русским послам старожилы, лапландцы выплачивали дань этому Валиту с карелами, а затем Валит передал в подчинение лапландские земли государю Ивану Васильевичу (видимо, Ивану III), и с тех пор лапландцы выплачивают дань на русского государя. Первое межевание в Лапландии, по словам старожил, произошло как раз при Валите, и проходила граница по реке Полной. В 7080 (1571/1572) году, как сообщили даньщики, царские люди уже проводили расспросы старожил о границе, и тогда местные жители говорили, что граница с владениями датского короля проходит по той же Полной реке, и та река Полная находится в 15 верстах за Варенгской волостью по направлению к городу Варгаву. Старожилы, однако, заявили, что не помнят, как давно Валит подчинил лапландцев и когда произошло размежевание территории с «немцами», потому что это было давно. При этом дань лапландцы дают на обе стороны – царю и датскому королю исстари «дед от прадед»⁵⁷. Вся эта информация была взята на вооружение русской дипломатией, она активно использовалась при отстаивании прав в рамках продолжавшегося лапландского вопроса. В последующие годы между Копенгагеном и Москвой проходили новые посольства для обсуждения разграничения в Лапландии, и не раз предпринимались попытки организовать новый пограничный съезд на Крайнем Севере.

Приложение 1. Карта

○ Приблизительная область границы между Русским государством и Датско-Норвежским королевством у Варангер-фьорда

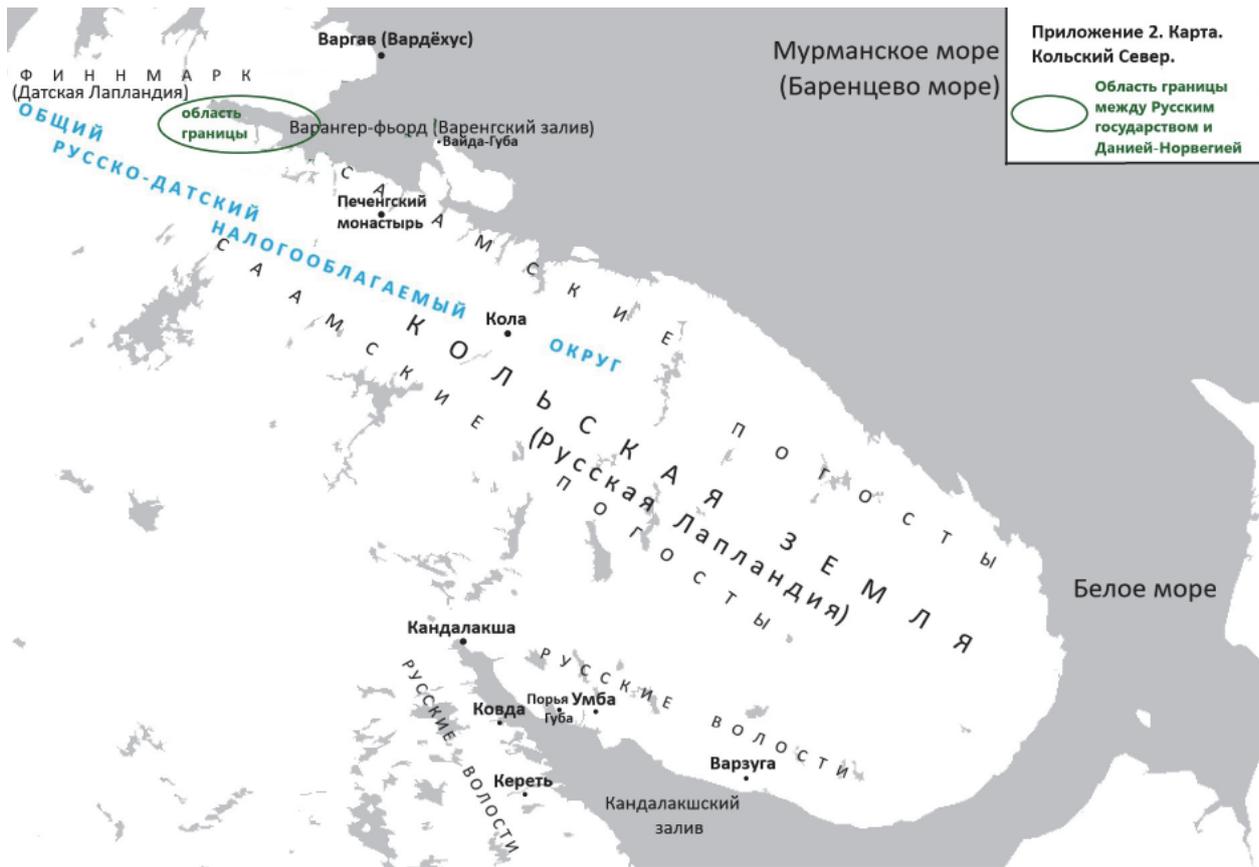

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лапландия (в широком смысле) – обширный историко-географический и культурный регион на территории Кольского полуострова и северной части Скандинавии. Лапландия является исконной территорией проживания для саамов; располагается на территории северных регионов современных Норвегии, Швеции, Финляндии и России (Кольский полуостров, Мурманская область).
- ² Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т.14. С.54–55; Он же. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв. Л., 1970. С. 47.
- ³ Шаскольский И.П., Возгрин В.Е., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам

дани в Лопской земле // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 42.

- ⁴ Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. №6(16). С. 141–143; Lind J. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø-Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times) // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 245.
- ⁵ Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. №26. С. 60.
- ⁶ Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории

Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 28.

⁷ Pape C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P. 29–39.

⁸ Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by Tatjana N. Jackson and Jens Petter Nielsen. Moscow, 2005. P.58.

⁹ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым (далее – Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев) // *Русская историческая библиотека* (далее – РИБ). Т.16. СПб., 1897; Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. / Собр. Ю.Н. Щербачев (далее – Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев). // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете* (далее – ЧОИДР). М., 1893. Кн.1.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.53. Оп.1. Д. 2, 1578. Л. 29–38; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год) в 4 ч. М.,

1894–1902. Ч.1. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С.212.

¹¹ РГАДА. Ф.53. Оп. 1. Д. 2, 1578. Л. 29–31.

¹² РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578. Л.34; Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. №464 (418), Грамота короля Фредерика II к царю Федору Ивановичу. 17 декабря 1585 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129; Об этой позиции Фредерика II также упомянуто в ответной царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II. Март 1586 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 225–228.

¹³ Об этой позиции Фредерика II упомянуто в ответной царской грамоте: Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, Царская грамота к датскому королю Фредерику II. Март 1586 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.

¹⁴ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.39–43; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.225–238; Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.

¹⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.227; См. об этой грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С.129.

- ¹⁶ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.39; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁷ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁸ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229.
- ¹⁹ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.40; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 229–230.
- ²⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.41; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 230.
- ²¹ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.41; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 230.
- ²² Кристенсен С.О. Датско-русские связи в период 1602–1658 годов // Дания и Россия – 500 лет / Под ред. Л.П. Поульсена-Хансена, пер. с дат. М. Тюриной. М., 1996. С. 38–39.
- ²³ РГАДА. Ф.53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 41–42; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 42; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 231.
- ²⁵ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.232–235; См. также: Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.
- ²⁶ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 235.
- ²⁷ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.42–43; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №57, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.235–236; См. также: Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §465(419), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129.
- ²⁸ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №58, Опасная грамота на приезд датских послов для определения спорных рубежей между Лопской землей и городом Варгавом, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.237–238; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §466(420), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 129–130.
- ²⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №59, Опасная грамота на приезд в Москву датских великих послов, март 1586 года // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.237–240; См. об этой опасной грамоте также: Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §467(421), март 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 130.
- ³⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.43–44; См. также: Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С.212.
- ³¹ Русский биографический словарь. Том II. Алексинский–Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 544–545.
- ³² Славянская энциклопедия. XVII век: в 2т. Т.1. А–М. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 223.
- ³³ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.44; См. об этом также: Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 212.
- ³⁴ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17. Жалоба на датчан, стесняющих рыбный промысел на Мурманском море, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб. 51–54.
- ³⁵ Там же. Стб. 52–53.
- ³⁶ Там же. Стб. 53–54.
- ³⁷ Там же. Стб. 53.
- ³⁸ Линд Дж. Х. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля швейцарского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С.220–222.
- ³⁹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.53.
- ⁴⁰ Niemi Einar. Finnmark County // Encyclopedia of The Barents Region. Vol.1. (A–M) / Editor-in-chief Mats-Olov Olsson. Oslo, 2016. P.234.
- ⁴¹ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №17, 1559 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.53–54.
- ⁴² Там же. Стб. 53.
- ⁴³ Там же. Стб. 53–54.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578. Л.20–23; Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт №55 (№56 по оглавлению), август 1585 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.221.
- ⁴⁵ См. об этом: Документ №27. «Роспись лопарским погостам», 1623–24 г. // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 55–64.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2, 1578 г. Л. 44–45.
- ⁴⁷ Там же. Л. 45.
- ⁴⁸ Датский архив. / Собр. Ю.Н. Щербачев. §469(423), 27 мая 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 130. Этот вариант инструкции был утвержден королем, но впоследствии забракован; не исключено, что в инструкцию были внесены какие-то изменения, но нам не удалось обнаружить другого варианта этого документа.
- ⁴⁹ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев. §470(424), 27 мая 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 131.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.45–46; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С.212.
- ⁵¹ Датский архив / Собр. Ю.Н. Щербачев.

- §471(425), 24 июля 1586 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн.1. С. 131.
- ⁵² РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л.45; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С.212.
- ⁵³ Русские акты / Собр. Ю.Н. Щербачев. Акт № 60, Царская грамота к датскому королю Христиану IV, июль 1590 г. // РИБ. Т.16. СПб., 1897. Стб.242–243.
- ⁵⁴ Там же. Стб. 243.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.53. Оп.1. Д.2, 1578 г. Л. 46.
- ⁵⁶ Там же. Л. 46.
- ⁵⁷ Там же. Л. 47–48.

RUSSIAN AMBASSADORS IN LAPLAND IN 1586

© 2022 M.V. Tolkachev

Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the case related to the history of diplomatic relations between the Moscow state and Denmark-Norway. The sending of Russian ambassadors to the Far North in 1586 was associated with the aggravation of the so-called Lapland dispute, a territorial dispute between Russia and the Danish-Norwegian state in the European Arctic region. The author examines the prerequisites for sending ambassadors, the circumstances associated with the embassy, as well as the facts reflecting the configuration of the Russian-Norwegian border.

Keywords: Lapland, Norway, Far North, border, boundary, borderland, negotiations, ambassadors, charter.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-61-73